

**В. Ф. Миллер**

**Ведийские этюды.**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 304  
ББК 60.5  
М60

М60 **Миллер В.Ф.**  
Ведийские этюды. / В. Ф. Миллер – М.: Книга по Требованию, 2012. – 50 с.

**ISBN 978-5-4241-7068-3**

**ISBN 978-5-4241-7068-3**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2012  
© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



значеніе которыхъ было „закалываніе“, „возліаніе“ и т. д., или же къ другимъ, уже употреблявшимся въ значеніи богочитанія, и притомъ именно словеснаго, такъ какъ лишь этотъ видъ богослуженія былъ до тѣхъ поръ извѣстенъ. Дальнѣйшее доказательство своей мысли г. Фортунатовъ видитъ въ томъ (стр. 7), что санскритское слово *уадна* и славянское *жрѣти* происходятъ отъ глагольныхъ корней, выражавшихъ „чествованіе“, „почитаніе“.

Какъ г. Фортунатовъ не соглашается съ Гаугомъ въ принципѣ, такъ и мы не можемъ въ принципѣ сойтись съ г. Фортунатовымъ. По его теоріи выходитъ, что былъ періодъ въ жизни индо-европейскаго племени, когда люди обращались къ богамъ съ восхваленіями, прославляли ихъ силу и могущество, но еще не знали жертвоприношеній. Лишь впоследствии (въ силу неизвѣстныхъ намъ причинъ) они стали обращаться къ богамъ съ просьбами, подкрѣпляя эти просьбы матеріальными приношеніями въ видѣ животной или растительной жертвы. Здѣсь а ргіогі допускаетъ такой періодъ, который противорѣчитъ исторіи умственнаго развитія—переходъ отъ идеальныхъ отношеній къ божеству къ матеріальнымъ. Племя Индоевропейцевъ какъ бы выдѣляется изъ цѣлаго ряда другихъ племенъ, которыя на первобытной ступени культуры смотрятъ на боговъ совершенно матеріально и полагаютъ, что просьба безъ вещественной придачи не имѣетъ смысла <sup>1)</sup>).

Противъ мысли г. Фортунатова говоритъ характеръ большей части древнихъ гимновъ Ригъ-Веда. Въ нихъ боги изображаются въ видѣ могущественныхъ людей, съ человѣческими страстями и потребностями. Они воюютъ, какъ воюютъ люди, развѣзжаютъ на колесницахъ и питаются жертвами. Жертвы для нихъ также необходимы, какъ пища для людей: упиваясь до опьяненія сомой и пожирая жертвенныхъ быковъ, Индра крѣпнеть въ силахъ, какъ напѣнійся и панивійся человѣкъ, и получаетъ возможность сражаться съ змѣемъ Вритрой. Люди относятся къ богамъ вполне реально и съ большою долей наивной практичности: чѣмъ лучше, богаче жертва,

<sup>1)</sup> Напримѣръ, Карены, потчующіе боговъ арракомъ (*Тейлоръ*, Первобыт. культура, II, 433); Ирокезы, которые просятъ бога войны: для тебя, духъ Арівскій, мы убиваемъ эту (человѣческую) жертву, чтобы ты могъ насытиться мясомъ и послалъ намъ съ этихъ поръ удачу и побѣду надъ врагами (*ibid.*, 430); Зулу, которые убѣждены доселѣ, что души предковъ поѣдаютъ жаренаго вола (427); Карайбы, которые слышатъ, какъ по ночамъ духи жуютъ выставленную для нихъ пищу, и т. д.

тѣмъ лучше и дары, на которые имѣеть право разчитывать жертвователь<sup>1)</sup>. Какъ обжорство до сихъ поръ считается самымъ высшимъ благомъ жалкой жизни дикаря, такъ было и у Индусовъ, что можно видѣть изъ потчиванія боговъ, въ которомъ человѣкъ совѣтуетъ богу наѣсться до того, что утроба раздуется какъ море (RV, I, 30, 3. VIII 1, 23). Если такія понятія о богахъ встрѣчаемъ мы во множествѣ гимновъ Ригъ-Веды, что, конечно, хорошо извѣстно г. Фортунатову, то намъ становится непонятнымъ взглядъ, что въ эпоху, еще болѣе отдаленную, эпоху общей жизни индо-европейскихъ народовъ, люди смотрѣли на боговъ чище и не потчивали ихъ жертвами, ограничиваясь одними поэтическими восхваленіями.

Противъ мысли г. Фортунатова говоритъ культъ Агни. Агни въ древнѣйшихъ гимнахъ уже называется *жрецомъ* и *посломъ* боговъ. Его роль состоитъ въ посредничествѣ между ними и людьми: сожигая своимъ пламенемъ матеріальную жертву, онъ переноситъ ее къ богамъ въ видѣ дыма и пара, и такимъ образомъ, кормитъ боговъ. Онъ называется поэтому ртомъ и языкомъ боговъ. Кормленіе огня принадлежитъ къ индо-европейскимъ обычаямъ и существовало еще въ періодъ индо-европейской жизни. Остатки его можно найдти еще и теперь въ нѣкоторыхъ обрядахъ у крестьянъ въ Германіи и Славянскихъ земляхъ.

Итакъ, трудно себѣ представить, чтобы былъ когда-нибудь такой періодъ жизни индо-европейскаго племени, когда жертвоприношеніе не существовало. Какъ скоро человѣкъ представлялъ себѣ боговъ въ человѣческомъ видѣ, онъ неминуемо долженъ былъ прійти къ понятію о жертвѣ. Самое пріятное въ жизни дикаря—сытая пища, а потому нельзя думать, что, относясь къ богамъ какъ къ людямъ и падѣляя ихъ человѣческими потребностями, человѣкъ отказывалъ имъ въ началѣ въ главномъ своемъ удовольствіи — въ пищѣ, довольствуясь одними хвалебными пѣснями. Странно думать, что до этой мысли дошли люди только впоследствии и усвоили ее себѣ до такой степени, что отъ идеальнаго словеснаго чествованія дошли, какъ Индусы, Греки и Славяне, до человѣческихъ жертвоприношеній.

<sup>1)</sup> Можно вполне согласиться съ слѣдующими словами профессора Вебера о ведійской жертвѣ: «Das Opfer ist ein Vertrag, den man mit dem angerufenen Gotte schliesst: er erhält seinen Theil, und ist dafür in Ehren verpflichtet den Wunsch des Opferer's zu erfüllen: *dehi me d'ādāmi te, das mihi do tibi. Vs. 3, 50.* (См. Indische Studien, X, 322, въ статьѣ: Zur Kenntniss des Vedischen Opferrituals).

Но нельзя думать, что жертва предшествовала гимну, что когда-нибудь человек приносил жертву, не сопровождая это действіе словами и прославленіемъ. Чтобы жертва была действительна, нужно было, по понятіямъ Индусовъ, непременно назвать бога, которому она приносилась, дабы между богами не произошло недоразумѣнія. Точныя предписанія на этотъ счетъ, даваемыя въ *Aitareya Brahmanam*, всего лучше характеризуютъ этотъ взглядъ и необходимость славословія при жертвѣ. Итакъ, все, что можно сказать о жертвѣ и гимнѣ—это то, что они одинаково древни, ибо взаимно пополняютъ другъ друга и равно необходимы по понятіямъ древнихъ язычниковъ.

Но доказываютъ ли предположеніе г. Фортунатова два слова, которыя онъ разбираетъ?

*Yagna* имѣетъ въ Ведахъ два значенія—*славословіе* и *жертвоприношеніе*. „Нельзя думать, конечно“, говоритъ авторъ (стр. 6),—что значеніе *славословія* произошло отъ значенія *жертвоприношенія*, ибо въ такомъ случаѣ было бы непонятно, почему позднѣйшій языкъ удержалъ лишь послѣднее изъ этихъ значеній и совершенно утратилъ первое. Корень, лежащій въ *yagna* есть *gau*, чтить, откуда санскр. гл. *yaḡ* и греч. ἄζωμαι, ἄγω. Можно предположить, повтому, что *yagna* въ Ведахъ сохраняетъ общее значеніе „богопочитаніе“, точно также какъ и глаголъ *yaḡ*, позднѣе „приносить жертву“, здѣсь значить еще вообще „чтить боговъ“ какъ гимнами, такъ и жертвою“.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ Ведахъ *yagna* очень часто, но далеко не вездѣ, имѣетъ значеніе „чествованія“. Съ другой стороны, есть довольно мѣстъ, гдѣ *yagna* имѣетъ совершенно матеріальное значеніе жертвы. Конечно, подъ *yagna* разумѣется матеріальная пища, когда въ I, 34, 3 говорится о смѣшеніи *yagna* съ медомъ, или когда боги приглашаются наполнить утробу *yagnena* *svagam krtena* (то-есть, хорошо изготовленною жертвой) (I, 152, 5), или когда боги являются и садятся на *barhis* вокругъ жертвы. Спрашивается, которое изъ обоихъ значеній первоначальное—*sacrificium* или *celebratio*? Думаемъ выстѣ съ г. Фортунатовымъ, что коренное значеніе „чествованія“ (отъ *yaḡ*—чтить) было первоначальнымъ, но не усматриваемъ повода выводить отсюда, что чествованіе предшествовало жертвоприношенію. Если корень не выражаетъ чего-нибудь матеріальнаго, то это еще не значить, чтобы въ жизни не совершалось матеріальное чествованіе въ видѣ жертвоприношенія. Отъ общаго понятія „чествованія“ до разныхъ видовъ чествованія, а между прочимъ и до жертвъ, встрѣ-

чавшихся въ жизни, переходъ огромный. Г. Фортунатовъ слишкомъ поспѣшилъ сдѣлать бытовой выводъ изъ грамматики. Если Индусы и Эранцы вмѣсто выраженія кормленія боговъ говорили чествованіе, мы не имѣемъ еще права утверждать, чтобы въ жизни чествованіе не сопровождалось кормленіемъ. Хотя *уагна* не значитъ кормленіе, но о кормленіи боговъ говорится во множествѣ гимновъ. Намъ кажется, что переходъ между древнѣйшимъ и позднѣйшимъ значеніемъ *уагна* можетъ быть выраженъ нашимъ словомъ: потчиваніе, которое свое древнее значеніе потчиванія, чествованія смѣнило на современное — приглашеніе ѣсть, угощеніе.

Такъ же мало убѣдительности въ переходѣ значеній другаго слова, приведеннаго г. Фортунатовымъ, именно *жрѣти*. Можно вполне согласиться съ нимъ, что первоначальное значеніе этого слова было „славить“ (прусское *girtwei*), но вмѣстѣ съ тѣмъ безъ всякаго противорѣчія предполагать, что это славленіе, чествованіе въ древнѣйшемъ быту заключалось именно въ потчиваніи боговъ жертвою, которое обыкновенно сопровождалось прославленіемъ могущества божества и просьбой о помощи.

Нельзя, по нашему мнѣнію, ссылаться и на то, что въ такъ называемомъ праязыкѣ индоевропейскомъ не было слова для *жертвы*, такъ что каждый народъ выбралъ себѣ особое слово, для выраженія этого понятія. Отсутствие общаго слова еще не доказываетъ, чтобы въ индоевропейскомъ періодѣ *жертвы* не были извѣстны. Идя этимъ путемъ, мы съ такимъ же правомъ могли бы доказывать, напримѣръ, что въ этомъ періодѣ люди еще ничего не предпринимали съ своими покойниками, ибо нѣтъ общаго индо-европейскаго слова, которое выражало бы понятіе погребенія или сожиганія умершихъ. Вообще намъ кажется, что необходима большая осторожность въ заключеніяхъ изъ отдѣльныхъ словъ въ быту, особенно если дѣло идетъ о томъ темномъ и отдаленномъ періодѣ, когда предки современныхъ индо-европейскихъ народовъ составляли одинъ народъ.

## II.

### *Культъ Сомы.*

Разбирая значеніе Самоведы, г. Фортунатовъ касается въ нѣсколькихъ словахъ культа *сомы*, составляющаго главное назначеніе этого сборника. Происхожденіе культа *Сомы*, по мнѣнію г. Фортунатова, объясняется такимъ образомъ, что человекъ, замѣтивъ опья-

няющее дѣйствіе этого напитка, приписалъ ему божественную силу, вслѣдствіе чего Сомъ обратился въ бога, а добываніе его стало священнымъ дѣйствіемъ. То же мнѣніе о происхожденіи этого культа высказалъ американскій санскритологъ Whitney <sup>1)</sup>.

Съ перваго взгляда это объясненіе кажется вполне естественнымъ. Мы знаемъ, изъ многихъ примѣровъ, почерпнутыхъ изъ разныхъ культуръ, что состояніе опьяненія считалось и доселѣ считается вѣщимъ, пророческимъ, и приобрѣтеніе такого состоянія у многихъ народовъ составляетъ религіозную церемонію. Такъ въ Вестъ-Индскомъ архипелагѣ жрецы вдыхали порошокъ *коюбм*, для того чтобы въ состояніи опьяненія вступать въ сношенія съ духами; на р. Амазонкѣ племя Омагва до новѣйшаго времени вызывало необыкновенныя видѣнія, употребляя нѣкоторые наркотическія растенія. Даріевскіе Индѣйцы кормили дѣтей сѣменами *daturae sanguineae*, чтобы вызвать у нихъ пророческій бредъ, и т. п. <sup>2)</sup>. Можно на основаніи примѣровъ другихъ народовъ допустить, что и племя Индоевропейцевъ на ранней ступени развитія могло обоготворять, на подобіе фетишъ, опьяняющую траву, но мы сейчасъ увидимъ, что это предположеніе не въ состояніи вполне объяснить происхожденіе и широкое развитіе культа Сомы. Дѣло въ томъ, что *soma*, обозначая обыкновенно соевыя растенія (*Ascl. acida* или *sarcostema viminale*) имѣетъ еще другое значеніе—значеніе „мѣсяца“, котораго отношеніе къ первому далеко не представляется яснымъ. Во всей позднѣйшей литературѣ—въ Брахманахъ (напримѣръ, *Satap. Br. I 6.4.5.* и др. *Adbhutabrahmana Samavedy—Weber, Omina und Portenta* стр. 334), Пуранахъ <sup>3)</sup>, эпосѣ и т. д., *Soma* является постоянно божествомъ мѣсяца, властителемъ созвѣздій (*nakṣatradhipatiḥ*) и сѣверной страны свѣта (*Soma uttarāyām-Śadvinṣabr IV. 4.* Въ *Taitt. Saṁh. II 3,5,1* мы читаемъ преданіе о любви мѣсяца (*soma* къ звѣздѣ *Rohini*, очень распространенное въ позднѣйшей литературѣ (см. *Ind. Sagen von Holtmann, I, стр. 311* слѣд.), а въ 10-й книгѣ Ригъ-Веды о свадьбѣ его съ *Suryā* (гимнъ 85-й *Suryāvivāha*). Является вопросъ, въ какомъ отношеніи находится значеніе *мѣсяца* къ значенію *сома*, былъ ли соевыя сомы возведены съ

<sup>1)</sup> *Journal of the Amer. Orient. Society, VI, 299.*

<sup>2)</sup> См. многочисленныя примѣры, собранныя у *Тэйлора*, *Первобыт. Культура*, II, 452 слѣд.

<sup>3)</sup> Ср. *Viṣṇu Purāna*, кн. I, гл. 22, р. 35 переводъ *Вилсона*: *Brahma appointed Soma to be monarch of the stars and planets of Brahmins and of plants of sacrifices and of austere devotions.*

земли на небо и чествуютъ въ видѣ мѣсяца, или на оборотъ, мѣсяцъ низведенъ на землю и воплощенъ въ извѣстномъ растеніи?

Обыкновенно принято считать значеніе мѣсяца второстепеннымъ, такъ какъ оно явилось поздиѣе. Такъ Веберъ въ примѣчаніи къ одному мѣсту изъ 13-й книги Kauçikazutra (Omina und Portenta, стр. 409) замѣчаетъ: „Soma als König der Pflanzen ist zunächst nicht der Mond, sondern die personificirte Soma pflanze. Die Beziehung auf den Mond ist wie bei dem Worte Soma überhaupt, erst eine secundäre, ob uach freilich alterthümlich genug“.

Однако, если мы согласимся съ этимъ положеніемъ, мы не будемъ въ состояніи объяснить нѣкоторыхъ стиховъ Ригъ-Веды, гдѣ Soma дѣйствительно является мѣсяцемъ съ его извѣстнымъ вліаніемъ на природу.

Гимны часто изображаютъ Soma въ такихъ яркихъ чертахъ космическаго божества, что только съ крайнею натяжкой можно видѣть въ немъ свѣтотекущій наркотическій сокъ. Подобно Индрѣ, онъ вооруженъ страшными орудіями (IX, 76, 2; IX 61, 309), онъ убійца Вритры, демонъ мрака (vrtrahan или vrtrahantama (I 95, 5, IX, 24, 6) и разрушитель городовъ (virbhid IX 88. 4). Онъ разгоняетъ мракъ (I, 91, 22), освѣщаетъ ночи (VI, 33, 3), производитъ солнцу свѣтъ (VI, 44, 23; IX, 97, 41) и возводитъ это свѣтило на небо (IX 107, 7). Подобно божеству ночнаго неба Варунѣ, Soma имѣетъ тысячу глазъ (zahasraçakṣas = звѣздъ, IX, 20, 1, 2), и дискъ его сравнивается въ одномъ мѣстѣ (IX, 96, 6) съ топоромъ, вонзеннымъ въ дерево (картина полукруга луны среди облачныхъ деревьевъ). Въ народной Амхарваведѣ (XI, 6, 7), сохраняющей часто древнѣйшія представленія, читаемъ слѣдующій стихъ, въ которомъ Сомъ отождествляется съ мѣсяцемъ: „Сомъ богъ да освободитъ меня, онъ, котораго зовутъ мѣсяцемъ“.

Въ R. V. I 91, 22 должно видѣть въ Сомѣ мѣсяцъ, когда поэтъ обращается къ нему съ слѣдующимъ восклицаніемъ: „Ты, о Сомъ! произвелъ всѣ эти растенія, ты — воды, ты — коровъ, ты протанулъ пространную воздушную сферу, ты свѣтомъ отогналъ тьму“<sup>2)</sup>. Если союзникомъ Сомы является Индра (IV, 28; VI, 72), и они вмѣстѣ

<sup>1)</sup> См. Muir, Original Sanscrit Texts, V, 217 и слѣд.

<sup>2)</sup> Avamāma oḅadhīh soma viçvas Avam apo aḡanayas tvam gaḥ tvam a tatant-horv antarikṣam tram dyotiṣa vitamo vavartha; см. разборъ 33-го стиха 3-ей декады въ Ag. Samh.

возвращаютъ зарю и солнце, убиваютъ Вритру, то трудно сказать— является ли здѣсь Сома помощникомъ Индрѣ, какъ мѣсяцъ, помощникъ солнца, или какъ опьяняющій сокъ, воодушевляющій Индру на подвиги.

Можно было бы значительно увеличить число ведійскихъ примѣровъ, въ которыхъ Сома имѣетъ космическое значеніе; но и этихъ достаточно для установленія факта, что такъ называемое второстепенное значеніе *мѣсяца* также древне, какъ первоначальное, и слѣдовательно, преобладаніе значенія *сома* еще не указываетъ на его первоначальность.

На рѣшеніе этого вопроса проливаетъ особенный свѣтъ 85-й гимнъ 10-й книги, если мы даже допустимъ вмѣстѣ съ Ротомъ (Коммент. къ Нируктѣ, стр. 147), что въ немъ изображаются сравнительно довольно позднія воззрѣнія на Сому. „Черезъ Сому“, говорится здѣсь (ст. 21,— „сильны Адитьи, черезъ Сому велика земля, и Сома помѣнцель среди этихъ звѣздъ. 3. Сому думаетъ пить (человѣкъ), когда выжимаютъ растеніе, но *отъ Сома, которую брахманы знаютъ* (то есть, мѣсяцъ), не вкушаетъ никто. 4. Охраняемый охранами (?) и стерегомый могуществомъ (?), ты, Сома, стоишь, слушая каменный прессъ, но никто земной не вкушаетъ тебя. 5. Когда, о богъ! пьютъ тебя, ты снова затѣмъ наполняешься. Ваго хранитель сомы: мѣсяцъ, (*mensis*) есть часть года“ (?) <sup>1)</sup>. Изъ этихъ, хотя и не вполне ясныхъ, стиховъ можно вывести заключеніе, что въ ведійскомъ періодѣ существовало сознаніе объ отношеніи небеснаго сомы (мѣсяца) къ земному—растенію. Можно думать, что брахманы еще сознавали символическій характеръ культа сомы, и постоянно занимаясь этимъ культомъ, не забывали однако той космической потенціи, которая лежала въ основаніи символа <sup>2)</sup>. Убѣжденіе, что есть двоякаго рода Сома, не измысленіе философовъ: оно было, вѣроятно, укоренено среди всего народа, и въ основаніи его лежало физическое наблюденіе надъ свойствами луны. Каковы же эти свойства? Человѣкъ уже рано старался выяснитъ себѣ фактъ постепеннаго ущерба и наростанія мѣсяца, и самымъ простымъ, младенческимъ объясненіемъ было конечно то, что его кто-то съѣдаетъ, и затѣмъ онъ снова нарождается. Свѣтлый полукругъ мѣсяца представлялся чашей, наполненною пиццою: эта чаша

<sup>1)</sup> Ср. Ind. Stud., V, 178; *Monist*, V, 271.

<sup>2)</sup> Такъ въ R. V., X, 116, 3. различаются *divyaḥ: somaḥ: небесный сома* (мѣсяцъ) и *totā, yañ vyante parthivāni*, который выжимается у земныхъ людей.

то полна, то пуста, и смѣна того и другаго состоянія замѣчается съ совершенною правильностью въ природѣ <sup>1)</sup>). Представляя себѣ боговъ съ человѣческими потребностями, человѣкъ легко приходитъ къ мысли, что мѣсяцъ служитъ имъ пищей и притомъ пищею безсмертною (*amrita*), не умаляющеюся. Такъ, въ самой древней изъ брахманъ, въ *Ṣat. brah.* XI, 1, 4, 4, мы читаемъ: „Этотъ царь Сома, который есть мѣсяцъ—пища боговъ (*daṣaṇam annam*)“<sup>2)</sup>, и это убѣжденіе имѣетъ признаки глубокой древности.

Но было еще другое наблюденіе, которое уже въ глубокой древности могъ сдѣлать человѣкъ надъ луною. Просыпаясь раннимъ утромъ послѣ обильной росой ночи, онъ замѣчалъ, на сколько за ночь подросли растенія, распустились почки, и какою свѣжестью дышетъ весь растительный міръ. Днемъ ему не удавались подобныя наблюденія, и потому естественно, что онъ приводилъ весь растительный процессъ въ извѣстную связь съ дѣйствіемъ мѣсяца, царя ночи. То мѣсяцъ становится царемъ растеній (*viṅudham patiḥ*). Не только у Индусовъ, но и у многихъ другихъ народовъ существуетъ убѣжденіе, что произрастаніе находится въ связи съ ущербомъ и прибылью луны <sup>3)</sup>, что отъ этого же явленія происходитъ перемѣна въ погодѣ,

<sup>1)</sup> Не касаясь подобныхъ представленій у иноземныхъ народовъ, напомнимъ только наша народныя. Мѣсяцъ въ русскихъ загадкахъ представляется то короваемъ, то краюшкой хлѣба, то чашей съ молокомъ, то котломъ. «Полна печь пироговъ, посреди коровы (звѣзды и мѣсяцъ). Надъ бабушкиной избушкой виситъ хлѣба краюшка (мѣсяцъ). Надъ дворомъ, дворомъ стоитъ чаша съ молокомъ (то же). Шелъ я мимо, видѣлъ диво — виситъ котелъ въ девяносто ведръ (то же). См. Пословицы *Далъ*, стр. 1061. Въ юго-западной части Томской губерніи народъ думаетъ, что мѣсяцъ изъ киселя — оттого онъ ежемѣсячно истекаетъ: когда молодой мѣсяцъ на рогу стоитъ (слѣдовательно, когда чаша опрокинута), то называется *текумъ* и предвѣщаетъ дождливую погоду (*Этнографич. Сборникъ*, VI, 1864, стр. 117). У Латышей есть загадка про мѣсяцъ: коробка съ масломъ въ озерѣ, см. *Списокъ*, Памятники Латыш. народ. творчества, стр. 318.

<sup>2)</sup> Между классическими указаніями находимъ слѣдующія: класть яйца подъ насадку въ новолуніе, а деревья сажать—когда мѣсяцъ идетъ на ущербъ и послѣ полудня. Литовское правило: отнимать отъ груди мальчиковъ во время прибыліи луны, а дѣвочекъ въ ущербъ, совершенно подходитъ къ тому, что Оркнейскіе островитяне сопротивляются бракамъ въ другое время, кромѣ прибыліи луны. См. *Тэйлоръ*, *Первоб. Культ.*, I, 122 и II, 347. Только то, что наростаетъ снова, говоритъ Варронъ о земледѣліи, можно срѣзывать при новолуніи, все же прочее должно срѣзывать при ущербѣ. Новолуніе считалось у Нѣмцевъ лучшимъ временемъ для приплода скота. Соблюдалось правило, плоды растущіе надъ землею снать въ новолуніе, а корнеплоды растенія—въ ущербъ мѣсяца. Русскія

имѣющая огромное значеніе для растительнаго міра. Саяна въ комментаріи къ гимну Ригъ-Веды, I, 181, посвященному Асвинамъ, видитъ въ одномъ изъ нихъ солнце, въ другомъ мѣсяцъ и говоритъ, что мѣсяцъ поддерживаетъ міръ „ибо при восходѣ его произрастаютъ растенія и деревья. Итакъ, эпитетъ *virudham ratih* (RV, I, 91, 8; VI 75, 18; VIII, 48, 7, 8 etc), который прилагается къ сомѣ, вполне понятенъ, если подъ сомой мы разумѣемъ мѣсяцъ.

Третье, также младенческое наблюденіе роли мѣсяца ночью повело къ мнѣмъ объ отношеніи его къ свѣтилу дня. Эти отношенія рисовались различнымъ образомъ: то оба свѣтила — братъ и сестра, то — мужъ и жена, то они преслѣдуютъ другъ друга, то мѣсяцъ, помощникъ солнца, ищетъ его всю ночь и находитъ на разсвѣтѣ. Последнее въ индусской мифологіи распространено всего болѣе, какъ видно изъ гимновъ къ Индрѣ и Сомѣ или Пушаву и Сомѣ.

Приложимъ теперь всѣ эти факты къ объясненію культа Сомы.

Культъ мѣсяца, какъ извѣстно, распространенъ въ мифологіяхъ всѣхъ индоевропейскихъ народовъ на ряду съ культомъ солнца. Но просматривая ведійскіе гимны, мы замѣчамъ съ удивленіемъ, что среди прочихъ космическихъ боговъ мѣсяцъ, какъ таковой, играетъ незначительную роль. Это тѣмъ болѣе странно, если мы вспомнимъ о климатѣ Индіи, о невыносимо жаркихъ дняхъ и прохладныхъ ночахъ, освѣщаемыхъ роскошнымъ луннымъ блескомъ, воспѣваемымъ въ самыхъ поэтическихъ чертахъ позднѣйшими поэтами. Но это забвеніе царя ночи основано на недоразумѣніи. Цѣлая книга (9-я) Ригъ-Веды исключительно посвящена культу бога, котораго имя совпадаетъ съ названіемъ мѣсяца, именно *raamaṇa soma*. Не вполне ли естественно предположить, что сильное развитіе этого культа было основано на древнемъ культѣ луны и свидѣлствуетъ о его первоначальной силѣ?

Это предположеніе не противорѣчитъ общему характеру гимновъ Ригъ-Веды. Мы не утверждаемъ, что тотъ Сомъ, который воспѣвается въ гимнахъ, есть мѣсяцъ; мы только полагаемъ, что культъ растенія былъ приведенъ въ связь съ древнѣйшимъ культомъ мѣсяца, и сим-

---

принѣты: посѣвъ на молодую луну — къ урожаю; въ новолуніе сѣять червь поѣсть; лѣнь сѣять въ послѣднюю четверть; ячмень на свяжемъ навозъ въ полнолуніе; см. *Ж. М. Н. Пр.* 1863, июль. По убѣжденію древнихъ Грековъ наростающій мѣсяцъ даетъ легкіе, а убывающій трудные роды; *Roscher, Studien zur vergleich. Mythologie*, II, 41. По индусскимъ понятіямъ, бракъ долженъ совершаться при наростаніи мѣсяца; *Weber, Nahtta*, II, стр. 311. и т. д.

воле до такой степени отдѣлился отъ оригинала, что этотъ оригиналъ какъ бы забытъ. Много было говорено всѣми ведистами о необыкновенной первобытности религиозныхъ вѣрованій Индусовъ ведійскаго періода. Въ гимнахъ находятъ самыя яркія олицетворенія природы, самыя первобытныя понятія о божествахъ физическихъ. Здѣсь не мѣсто вдаваться въ подробный анализъ этого общепринятаго взгляда: скажемъ одно, что ведійская культура далеко не кажется намъ первобытною, и что божества ведійскаго Олимпа уже значительно удалены отъ физическихъ явленій, лежащихъ въ ихъ основаніи. Если мы хотимъ въ краткихъ чертахъ характеризовать миеологию ведійскихъ гимновъ, можно вообще сказать, что всего болѣе былъ въ этомъ періодѣ распространенъ культъ трехъ божествъ — Агни, Индры и Соми (прочіе, какъ уже видно изъ числа ихъ гимновъ, отступили на задній планъ), и всѣ эти три бога значительно отдѣлены отъ физическихъ явленій. Индра то является громовержцемъ, то солнцемъ, то міровымъ богомъ вообще, Агни — то земнымъ жертвеннымъ огнемъ, то небесной молніею, наконецъ и въ параллель съ ними Сома — то мѣсяцемъ, то опьяняющимъ сокомъ, смѣшаннымъ съ молокомъ и медомъ. Индусы уже въ началѣ ведійской эпохи начали отдѣлять божества отъ физическихъ явленій и обобщать эти явленія между собою. Небеснымъ богамъ искали символовъ на землѣ, и эти символы впоследствии стали пользоваться культомъ, который принадлежалъ въ началѣ небеснымъ тѣламъ. Небесный огонь — солнце и молнія, былъ скоро замѣненъ земнымъ Агни, откуда объясняется обширная и разносторонняя роль этого бога. Но и для мѣсяца нашелся символъ. Какъ изобрѣтеніе орудія для зажиганія огня связано съ миеологіей, такъ и другое, не менѣе радостное для человѣка изображеніе, именно — умѣнье добывать наркотическій и опьяняющій сокъ растеній, и какъ первое входитъ главною и существенною частью въ жертвенный ритуалъ, такъ и второе занимаетъ въ немъ не менѣе почетное мѣсто. Можно сказать, что ведійскій ритуалъ заключается главнымъ образомъ въ двухъ дѣйствіяхъ — въ добываніи огня посредствомъ тренія агани и въ приготовленіи сомы, посредствомъ прессовыхъ камней. И такъ, оба культа идутъ рука объ руку, и какъ первый служитъ прообразомъ небеснаго огня, (солнца и молніи) такъ второй есть земная замѣна небеснаго сомы то-есть, мѣсяца, пищи боговъ. Для древнихъ брахмановъ это значеніе культа было ясно: въ Satap. brah. I, 6, 3, 24, дѣлается слѣдующее сопоставленіе: *sigraḥ eva agneyaḥ sandramaḥ saṃpua* то-есть, „Сурья — (солнце) огненной природы, мѣсяць — сомической“, и намъ